

А. Гингрих

**МЕНЯЮЩИЕСЯ КОНТЕКСТЫ,
МЕНЯЮЩЕЕСЯ СОДЕРЖАНИЕ:
О СТАТУСЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ**

В данной статье, представляющей собой размышление о статусе, условно говоря, “социокультурной антропологии” в немецкоязычных странах в меняющемся контексте настоящего и прошлого, я хочу сосредоточить свое внимание на трех основных темах: 1) восприятие социокультурной антропологии в обществе, 2) терминологические и институциональные проблемы дисциплины, 3) проблемы, связанные с внутренней дифференциацией дисциплинарного сообщества в немецкоязычной зоне.

Следует оговориться, что под термином “немецкоязычное” в данной статье понимается основное население Германии в ее сегодняшних границах, Австрии, Северной Швейцарии, Лихтенштейна, части Люксембурга, а также небольших областей Северной Италии (Южный Тироль) и некоторых других стран. Подобно термину “франкофон”, термины “немецкоязычное” и “немецкоязычная зона” указывают на существование определенных языковых сфер и языковых рынков, в которых и для которых научное знание производится, хранится, циркулирует и применяется. Данные термины, таким образом, должны предостеречь нас от слишком простого идентифицирования “национальных” антропологических традиций с нынешними территориальными национальными государствами. Хотя невозможно отрицать, что в прошлом существовал характерно “немецкий” сгусток традиций в социокультурной антропологии, все же, чтобы разобраться с наследием этих традиций в сегодняшнее время, следует принять во внимание то, на что указывают данные термины.

О специфике этого “немецкоязычного наследия” антропологии рассуждать не совсем просто. Серьезные исследования в рассматриваемой области начались относительно недавно. Кроме того, немецкоязычная антропология в известной мере продолжает существовать в своем собственном мире – мире, очерченном границами немецкого как академического языка. Этот мир живет в системе неравнозначных отношений с окружающим миром. Более или менее важные англоязычные работы и в несколько меньшей степени франкоязычные работы часто переводятся на немецкий язык. К тому же, раз большинство немецкоязычных антропологов владеет английским и иногда французским, интеллектуальная продукция, выходящая на этих двух важных академических языках, воспринимается достаточно легко, в то время как интеллектуальная продукция, исходящая из других языковых сфер, по большей части (но, разумеется, не всегда) не принимается во внимание и машинально считается менее важной. В этом смысле можно сказать, что немецкоязычная социокультурная антропология существует в том самом глобальном лингвистическом “кастовом обществе”, о котором говорил Пьер Бурдьё в своем выступлении на конгрессе Американской антропологической ассоциации в 1994 г.

Впрочем, обратная тенденция не проявляется: к лучшему или худшему, но после 1945 г. антропологам немецкоязычной зоны так и не удалось сделать свои работы известными в англоязычном, франкоязычном и других академических мирах.

Если немецкоязычные работы в некоторых других областях, таких как социология или философия, часто завоевывали международное признание во второй половине XX в., то с работами в области социокультурной антропологии это случалось крайне редко. Пример социологов и философов, стало быть, говорит о том, что ограниченность успеха антропологии в международных рамках связана с причинами, которые не могут быть сведены к режиму языковой гегемонии, изменившемуся после 1945 г. и после 1989 г. Данный фактор, вместе с тем, трудно свести к единственному объяснению ситуации ввиду того, что размеры рынка немецкоязычной продукции были и остаются весьма значительными (по сравнению, например, с рынками местной языковой продукции в Нидерландах или Дании, которые оказались слишком малы, чтобы продолжать привлекать интерес). Данный фактор, еще раз упомяну, не был помехой для социологов и философов, чьи работы изначально публиковались на немецком. Ситуация, следовательно, указывает на факторы, имевшие отношение скорее конкретно к антропологии, чем к общему положению дел в остальных академических областях: антропологию наследие прошлого тормозило больше, чем другие дисциплины.

Антропология начала очень медленно, через воздействие общественных событий 1968 г., стряхивать с себя тень ассоциаций с нацистским прошлым, чтобы вновь быть в состоянии оценить значение национальной антропологической традиции, двинуться вперед, трансформироваться и адаптироваться к новым реалиям. Пробуждению дисциплины способствовал и ряд творческих этнографических работ, появившихся в Восточной Германии, несмотря на непродуктивные научные условия, созданные коммунистическим режимом. В действительности и тот, и другой фактор сыграл свою роль в процессе постепенного стирания того, что можно было бы назвать специфическими чертами “национальной” антропологической традиции в 1980-е–1990-е годы.

Сегодня наследие этой традиции представлено на самом деле лишь отдельными фрагментами. Так, одной из сильных сторон немецкоязычной антропологии до сих пор остается изучение местных языков и письменных источников. Это закономерно сочетается с приверженностью дисциплины к эмпирическим методам, опирающимся на этнографическую полевую работу и архивные изыскания. Но, конечно, в немецкоязычной антропологии в настоящее время существует целый ряд направлений, образовавшихся, в частности, в результате трансформации диффузионистских и функционалистских течений прошлого. Среди таких направлений можно выделить, как наиболее заметные, этносоциологическое и изучение этнической истории. Однако по характеру оба эти направления сегодня гораздо ближе соответствующим направлениям в Великобритании и Северной Америке, чем своим “национальным предшественникам” в немецкоязычной зоне. Можно также отметить, что в региональном аспекте основными областями исследований в немецкоязычной антропологии ныне являются Западная Африка, Центральная и Юго-Восточная Азия, Меланезия, отдельные регионы Америки и, конечно, Центральная и Южная Европа.

Если провести сравнение, то в настоящее время тенденции развития немецкоязычной антропологии (как дисциплины, развивающейся преимущественно в рамках собственного языкового мира) проявляют сходство скорее с тенденциями развития антропологии в испаноязычной или португалоязычной зонах, чем с тенденциями развития дисциплины, скажем, в Нидерландах, Скандинавии или Индии. Антропологи в Нидерландах, Скандинавии и Индии в последнее время публикуют свои работы в основном на английском языке, вследствие чего значительная часть их научного творчества становится интересным новым вкладом в доминирующий языковой и интеллектуальный фонд глобальной антропологии. Антропологи в немецкоязычной

зоне, в отличие от их франкоязычных коллег, но подобно коллегам из испаноязычной и португальскоязычной зон, находятся в иной ситуации: они уже далеко отошли от своих “национальных” традиций (в самом деле, можно сказать, что большинство из них представляет собой то или иное немецкоговорящее подразделение глобальной антропологии), но в то же время продолжают публиковать работы преимущественно на своем “национальном” языке.

О восприятии социокультурной антропологии в обществе

До 1950-х годов книги, газеты, радиопередачи и выставки оставались доминирующими средствами массовой информации, через образы и стереотипы которых антропология воспринималась публикой. Фигура антрополога, часто помещавшаяся в сенсационный контекст, традиционно изображалась в этих средствах массовой информации как фигура одинокого ученого, искателя приключений и собирателя экзотики. На протяжении последней четверти XIX и первой половины XX в. формы репрезентации “антропологического”, конечно, менялись. Так, практика организации *Volkschauen*, так называемых “выставок народов”, в целом потеряла привлекательность к 1920-м годам, но музеи оставались центральной ареной, на которой происходила “презентация” культур для широкой публики, вплоть до конца 1950-х годов.

Берлинский этнологический музей стал крупнейшим в мире благодаря стараниям Адольфа Бастиана – “отца” антропологической науки в немецкоязычной зоне (хотя следует отметить, что в каждом значительном городе был либо свой музей, либо свои коллекции этнографического материала). Последователи и критически настроенные коллеги Бастиана положили начало основным “школам”. Прежде всего это диффузионизм (Фритц Гребнер), который впитал в себя некоторые идеи Фридриха Ратцеля, оппонента Бастиана, и далее “разветвился” на “секулярный” диффузионизм (Герман Бауман), теологический диффузионизм (Вильгельм Шмидт) и культурную морфологию (Лео Фробениус). Другим важным направлением был функционализм (наиболее известный представитель последнего – Рихард Турнвальд). Если диффузионистов интересовал вопрос о воссоздании путей исторического происхождения, то функционалистов в целом характеризовал интерес к менее абстрактным и более эмпирическим материям – они были более сосредоточены на частностях полевой работы и в некотором смысле стояли ближе к британской антропологической школе. Как среди диффузионистов, так и среди функционалистов нашлись и такие, кто в 1933–1945 гг. являлся более или менее активным сторонником нацистского режима. Хотя ученые, занимавшиеся физической антропологией, были гораздо более серьезно вовлечены в то, что можно назвать военными преступлениями, социокультурные антропологи тоже участвовали в разнообразных проектах – к примеру, в разработке нацистских планов по восстановлению немецких колоний. Вильгельм Мюльман, ученик Турнвальда, и Отто Рехе известны как одни из наиболее активных участников в подобных проектах.

Однако связь антропологов с нацистским режимом долгое время оставалась относительно незаметной для общества, и для широкой публики общий образ антропологии оставался более или менее одинаковым до войны, во время войны и в течение некоторого времени после войны. В конце концов, это было одно и то же поколение антропологов. Большинство из них на протяжении всего этого периода были заинтересованы в том, чтобы сохранить и упрочить свои позиции. Меньшинство (Марианна Шмидль, Юлиус Липс, Генрих Кунов, Пауль Кирхоф, Карл Август Витфогель

и некоторые другие) подверглись наказанию на почве “расовых” или политических обвинений.

На западе немецкоязычной зоны после 1945 г. сторонники нацистского режима редко лишались должностей, подобно Отто Рехе, но в основном попросту тихо переходили на менее видные должности, как, например, Герман Бауман или Вильгельм Мюльман. В некотором смысле поэтому можно было бы утверждать, что диффузионизм в его разнообразных вариантах и немецкий функционализм продолжали оставаться своего рода центром “национальной” антропологической традиции в немецкоязычной зоне с начала XX в. и до конца 1950-х – начала 1960-х годов.

В западных областях общественный стереотип дисциплины продолжал быть в той или иной мере связанным с исследованиями в дальних краях, с экзотическими музейными коллекциями и с увлекательными книгами. На востоке, в ГДР, общественные стереотипы были очень схожи и специфическим образом соединялись с идеологической парадигмой “международной солидарности”. Из-за ограничений, наложенных на заграничные поездки, однако, региональные рамки исследований, принимавшихся этнографами ГДР, оставались более узкими.

Процесс стирания черт характерно “немецкой” традиции, который начался на западе немецкоязычной зоны в 1950-е–1970-е годы, шел рука об руку с процессом девальвации традиционных жанров репрезентации, посредством которых антропологическое знание передавалось публике. Так, трансформация публичной сферы, последовавшая за трансформацией средств массовой информации в послевоенный период, и возникновение международного туризма как массового явления привели к драматическому снижению роли этнографических музеев и к резкому сокращению числа их посетителей. На книжном рынке произведения антропологов стали все реже появляться (и, в конце концов, вообще перестали выходить) среди бестселлеров. Уже в 1970-е годы образ антрополога как искателя приключений и исследователя экзотики стал утрачивать тот реализм, который, возможно, был присущ ему ранее, и стал трансформироваться в гораздо более размытый и нечеткий образ, о присутствии которого в обществе можно говорить и в настоящее время.

Стереотип антропологии в обществах немецкоговорящих стран сегодня неявен и выражен неоднородно. Публика, конечно, имеет представление о том, что существует такая наука, как антропология, но это представление не всегда отчетливо и распадается на целый спектр понятий. На одном конце спектра понятия более расплывчатые, на другом – более четкие.

Расплывчатый конец спектра можно связать с той стороной антропологии, которая имеет отношение к деятельности антропологов в “других краях”, т.е. среди народов, которые некогда считались “экзотическими”. Понятия на этом конце спектра, иным словом, имеют отношение к термину *Volkerkunde*, который оставался доминирующим ярлыком в немецкоязычной сфере антропологических исследований до 1970-х годов и сегодня продолжает существовать в названиях некоторых музеев. Хотя в последние 20–30 лет большинство ученых и организаций отказались от этого термина, он до сих пор остается хорошо знакомым “указателем” для широкой публики, в воображении которой *Volkerkundler* все еще ассоциируется с исследователем, работающим где-то среди “далеких” народов. Иногда, впрочем, в *Volkerkundler* видят своего рода эксперта по проблемам тех мигрантов из “далеких” обществ, которые сегодня живут “с нами”, в Европе. В этом смысле можно сказать, что прогрессивные тенденции развития социокультурной антропологии в последние десятилетия все же оказали некоторое воздействие на общественные стереотипы. (Следует добавить, что в последнее время в *Volkerkundler* могут также видеть и энтузиаста в прикладной

сфере, занятого, например, в той или иной программе по установлению сотрудничества со странами Азии или Африки.)

Имеют ли представители *Volkerkunde* отношение к измерению черепов и изучению скелетов, сегодняшней публике ясно не совсем. С одной стороны, некоторые из тех, кого публика понимает под представителями *Volkerkunde*, действительно занимаются раскопками (к примеру, ученые, изучающие этническую историю доколумбовой Южной и Центральной Америки). С другой стороны, целый ряд кафедр, прежде носивших названия *Volkerkunde* и *Volkskunde*, сегодня переименован в кафедры социальной антропологии или культурной антропологии, т.е. *Sozialanthropologie* или *Kulturanthropologie*; в то время как физическая антропология проходит под названием собственно “физической антропологии”, т.е. *physische Anthropologie*, или просто “антропологии”, т.е. *Anthropologie*. Все это вносит неясность в представления публики о дисциплине. Кроме того, следует учесть, что в Германии до 1945 г. области физической и социокультурной антропологии были очень тесно связаны друг с другом (со всеми вытекающими отсюда последствиями), и этот факт тоже продолжает играть роль в поддержании определенных стереотипов. Сегодня взаимодействие между данными двумя областями очень незначительно, однако в воображении публики они все-таки предстают в некотором роде связанными.

Более четкий конец спектра связан с образом “фольклориста”, или *Volkskundler*, который по сути представляет собой образ антрополога, работающего “дома” и изучающего традиционную крестьянскую культуру. Вследствие того, что народная музыка занимает огромное место в развлекательной и эстрадной индустрии немецкоязычных стран (соответствующее почти 50% рыночных инвестиций), стереотип “фольклориста” имеет гораздо более отчетливые черты в широком общественном воображении. Он поддерживается также благодаря тому, что специалисты по фольклору достаточно часто мелькают в средствах массовой информации; благодаря тому, что знание о фольклоре дается в начальных школах; и благодаря тому, что в немецкоязычных странах существует огромное число музеев народного фольклора.

Словом, образ фольклориста более четко означен и более популярен среди широкой публики, чем расплывчатый образ социокультурного антрополога. Интересно, что, в то время как *Volkskunde* (исследования фольклора и традиционной европейской культуры) и социокультурная антропология (*Volkerkunde*, или *Ethnologie*) сегодня сближаются в академической сфере немецкоязычных стран, в воображении публики они остаются представленными на совершенно разных концах широкого спектра. *Volkskundler* занимается собирательством народных песен, изучением крестьянского быта и всего того, что конституирует “национальные” традиции. *Volkerkundler* имеет дело с изучением “чужого”, будь то где-то далеко или дома, и иногда, может быть, продолжает заниматься измерением черепов.

Как бы то ни было, в понятиях, поддерживающихся в воображении публики, отображаются те характерные разграничения, – к примеру, между “естественными народами” и “культурными народами”, – которые уходят своими корнями в рассуждения немецких мыслителей XVIII в., таких как Гердер. Соответственно, в данном отношении, критик, анализирующий современное общество, мог бы резонно утверждать, что в стереотипах публики воспроизводится характерная установка немецкой культуры: проведение линии раздела между “нами” и “неевропейскими другими”. Но, в противоположность этому, большинство фольклористов и социокультурных антропологов в настоящее время придерживаются совершенно иных взглядов, выражая которые, они стремятся изменить общественные стереотипы.

О терминологических и институциональных проблемах социокультурной антропологии

Сказанное выше уже дает некоторое представление о том, что “снаружи” дисциплина воспринимается через призму терминологических сложностей. Однако терминология более запутанна, чем реально существующие институциональные формы. На институциональном уровне бывшая *Volkerkunde* (социокультурная антропология, или этнология) и бывшая *Volkskunde* (исследования фольклора и традиционной европейской культуры) по большей части продолжают вести раздельное существование в рамках отдельных университетских кафедр, программ, периодических изданий и музеев. Фольклорная область объединяет в три или четыре раза больше кафедр и музеев, чем область социокультурной антропологии.

В последнее время наметилась тенденция к сближению двух областей, и уже имели место отдельные случаи слияния учреждений. К институциональным сдвигам подталкивает как тот факт, что в обеих областях наблюдается тяга к взаимному заимствованию концепций, так и тот факт, что на уровне практики исследователи в обеих областях сегодня задействуют в общем одни и те же методы работы. Что касается меня самого, то я поддерживаю идею слияния двух областей (при условии, что таковое пройдет под эгидой сохранения “антропологии” как общей дисциплинарной рубрики и что оно не приведет к сокращению исследовательского бюджета и штатного состава в учреждениях). Данное слияние дало бы дополнительный толчок процессу переосмысливания гердеровской дихотомии между “нашей культурой” и “другими культурами” – дихотомии, которая все еще прочно инкорпорирована в доминирующие идеологии немецкоязычных стран. Надо ли говорить, что в период глобализации и в момент расширения Евросоюза подобные дихотомии не только представляются совершенно устаревшими, но их сохранение в идеологической сфере попросту чревато возникновением опасных националистических тенденций.

Однако, как уже было сказано, пока что две области продолжают вести преимущественно раздельное существование. Музеи в большинстве случаев продолжают носить названия *Volkskunde* или *Volkerkunde*. Университетские кафедры и подразделения научно-исследовательских учреждений в большинстве случаев этими названиями не пользуются: термин *Volkerkunde* достаточно единообразно заменен на термин *Ethnologie* (кафедра социальной и культурной антропологии в Венском университете – исключение в этом отношении); но термин *Volkskunde* трансформировался в ряд разнообразных названий. Чаще всего можно встретить *Europäische Ethnologie* (европейская этнология), но *Kulturanthropologie* (культурная антропология) и *Kulturwissenschaften* (культурные исследования – аналог *Cultural Studies* в англоязычном мире) в последнее время тоже стали достаточно привычными названиями.

Распространение новых названий в сфере бывшей *Volkskunde* – достаточно интересный факт, который заслуживает внимания. Не согласующиеся и расплывчатые способы самоидентификации “фольклористов” любопытно контрастируют с четко очерченными представлениями широкой публики о них. Очевидно, что в случае “фольклористов” разрыв между самоидентификацией и публичным восприятием более глубок, чем в случае социокультурных антропологов. Кроме того, характер этих способов самоидентификации намекает на постепенное движение к общей модели социокультурной антропологии – будь то в “немецком” варианте (*Ethnologie*) или “англо-американском” варианте (*Kulturanthropologie*).

Таким образом, в том, что на первый взгляд представляется путаницей, проглядывает вполне определенная тенденция: сообщество “фольклористов” методично трансформируется. Оно уже отошло от того стереотипа “хранителей ценностей национальной культуры”, который продолжает присутствовать в воображении широ-

кой публики. Как в используемом терминологическом аппарате, так и в исследовательской практике оно движется навстречу социокультурной антропологии. Конечно, нельзя не признать, что в известной мере эта тенденция отражает общий упадок фольклористики в Европе и Северной Америке (и там, и там в последнее время значение фольклористики как самостоятельной научной дисциплины постепенно снижалось). Но вместе с тем можно сказать, что в немецкоязычных странах эта дисциплина нашла альтернативный путь – путь интеграции с социокультурной антропологией.

Термин “этнография” (*Ethnographie*) сегодня чаще всего обозначает тот характерный эмпирический метод работы, которым пользуются исследователи в обеих областях (*Volkskunde u Volkerkunde*). В ГДР данный термин использовался в качестве официального названия дисциплины, но на западе немецкоязычной зоны с *Ethnographie* давно связывалась практика эмпирических полевых исследований (включающая в себя как характерный способ работы, основывающийся на методе включенного наблюдения, так и характерный способ описания, основывающийся на данном методе). Мне представляется вполне резонным, что в этот термин вкладывался и продолжает вкладываться подобный смысл. Следует добавить, что в последнее время термин стал часто заимствоваться в социологии и некоторых других социальных науках. Эти заимствования в известной мере трансформируют значение термина (по крайней мере, в междисциплинарной сфере), придавая ему более широкий смысл. В немецкоязычной зоне тенденция использования термина как в его более узком (антропологическом) смысле, так и в его более широком (общественно-научном) смысле очень близка соответствующим тенденциям в англоязычной зоне.

Некоторые склонны усматривать в участившейся практике подобных заимствований непосредственную опасность для области социокультурной антропологии (как якобы небольшой, плохо защищенной области, которую нужно оберегать от посягательства крупных, более влиятельных дисциплин). Хотя опасность, наверное, не следует совсем игнорировать, нынешнее плачевное состояние этих “крупных” дисциплин в Европе и Северной Америке наталкивает на мысль, что опасность не слишком велика. Мне кажется разумным смотреть на положение дел с иной точки зрения: небольшой антропологической дисциплине удалось экспортировать одно из своих центральных понятий в проблемную область своих более крупных соседей. Это дает основание говорить о том, что как раз антропология посягнула на территорию “крупных” дисциплин, и о том, что у антропологии есть хорошая возможность занять более видное место в междисциплинарных дискуссиях, укрепить свои позиции в общей сфере гуманитарных и социальных наук и, соответственно, в общей сфере конкуренции за исследовательские ресурсы.

Таким образом, уже на уровне терминологии мы сталкиваемся с разнообразными следствиями не только процессов междисциплинарного сотрудничества, но и процесса междисциплинарной конкуренции. В сегодняшних условиях социокультурной антропологии в немецкоязычной зоне уже не так необходимо прибегать к заимствованию ключевых терминов и понятий из других дисциплин (хотя о заимствовании концепции *идентичности* из культурных исследований можно продолжать говорить как о важном). В то же время другие дисциплины, наоборот, стали все чаще обращаться к социокультурной антропологии в поисках новых концепций. Опуская уже упомянутые случаи с исследователями фольклора и социологами, я приведу еще три примера.

Первый пример относится к физической антропологии. До 1945 г. эта дисциплина пользовалась названием *Anthropologie*, которое в те или иные периоды соседствовало с такими названиями, как *Rassenkunde* (расоведение) или *Eugenik* (евгеника). После 1945 г. в дисциплине начались переименования, нацеленные на то, чтобы под-

черкнуть новое начало, и появился ряд новых названий, таких как *Humanbiologie*, биология человека, или *physische Anthropologie*, т.е., собственно говоря, физическая антропология. В последнее время, однако, ряд кафедр и институтов вернулся к прежнему названию *Anthropologie*, в чем следует видеть, конечно же, не возвращение к прошлому, но интерес к тому, чтобы укрепить ассоциацию с привлекательной сегодня общей рубрикой “антропология”.

Второй пример касается *historische Anthropologie*, исторической антропологии, – субдисциплины, объединившей в себе ряд исторических и историографических направлений исследования. Хотя эта субдисциплина претендует на междисциплинарность и имеет ряд собственных периодических изданий, ее исследовательский состав в немецкоязычной зоне набирается преимущественно из историков. При помощи обращения к привлекательному ярлыку “антропология” и заимствования ряда антропологических терминов и концепций, исследователи, работающие в рамках этой субдисциплины, стараются трансформировать традиционные типы исторического анализа в формы, более близкие к антропологическим моделям.

Третий пример имеет отношение к *Kulturwissenschaften* – новообразованной дисциплине культурных исследований, которая в немецкоязычных странах возникла на волне реформистских движений в гуманитарных и социальных науках в 1990-х гг. Несомненно, ее возникновение было тесно связано с успехом дисциплины *Cultural Studies* в Великобритании и Северной Америке. Однако в англоязычном мире дисциплина возникла как своеобразная форма демократического протеста и сформировалась, так сказать, по инициативе меньшинств на академической периферии. В немецкоязычных странах она развивалась иначе. Здесь она была сформирована по инициативе, как говорится, “белого большинства мужского пола” и профинансирована “сверху” крупными общественными фондами с тем, чтобы провести реформу традиционных научных областей в сфере гуманитарного и общественно-научного образования. Несмотря на специфический характер институционализации, культурные исследования в немецкоязычной зоне все же сыграли важную роль в оживлении этих областей, в деле адаптирования этих областей к условиям современного глобализующегося мира и в деле их приближения к тому открытому способу видения реальности, который сегодня предлагает международная социокультурная антропология.

Хотелось бы подчеркнуть, что ударение в последнем предложении следует ставить на слово “международная”. В первой – и достаточно долгой – фазе того процесса, в результате которого в сфере немецкоязычных гуманитарных и социальных наук совершался поворот к “культуре”, “этнографии”, “антропологии”, влияние шло в основном со стороны англоязычного мира. Антропологи немецкоязычной зоны по большей части не привлекали внимания других ученых в это время. Местным антропологам потребовалось предпринять целый ряд активных инициатив и творческих проектов, прежде чем процесс перешел во вторую, текущую фазу. Сегодня антропологов часто приглашают участвовать как в гуманитарных проектах, предпринимающихся, к примеру, в культурных исследованиях, так и в проектах по изучению роли высоких технологий в обществе. Более того, антропологи научились высказывать эффективные и авторитетные критические замечания в адрес проектов, затрагивающих сферу культурного многообразия и предпринимающихся без участия антропологов. Наша небольшая дисциплина, таким образом, все чаще показывает свою компетентность в тех делах, в которых ранее ее присутствие не считалось нужным. Эта тенденция может и должна продолжаться.

И все же то повышенное внимание, которое сегодня наблюдается в немецкоязычном академическом сообществе по отношению к “антропологии”, “этнографии”, “культуре”, скорее всего, не будет наблюдаться вечно. В текущий момент оно объясняется наличием стимулов, пока еще продолжающих приходить из англоязычного

академического мира, проблемами расширения Евросоюза и ростом миграционных проблем. Но до тех пор, пока это внимание имеет место, в нем следует видеть скорее шанс, чем признак опасности для социокультурной антропологии в немецкоязычной зоне. До последнего времени элемент шанса, действительно, существенно превалировал над элементом опасности. Конечно, уровень финансирования в общем снизился в сфере гуманитарных и социальных наук. Но в то время как в целом ряде дисциплин наблюдался процесс сокращения и даже закрытия кафедр, все же социокультурной антропологии в немецкоязычной зоне этот процесс коснулся в гораздо меньшей степени (в действительности, как ни странно, наблюдалось даже некоторое институциональное расширение).

О внутренней дифференциации дисциплинарного сообщества

В количественном отношении большинство университетских кафедр и музеев в сфере социокультурной антропологии находится в Германии. Но, с точки зрения концентрации студентов и преподавательского состава, частоты получения грантов и объема проводимых исследований, три крупнейшие центра немецкоязычной зоны на сегодняшний день – это Вена, Цюрих и Берлин. К этим трем крупнейшим “конгломератам” антропологических учреждений недавно приблизился район Галле/Заале как четвертый важнейший центр. С точки зрения финансирования, общая ситуация в гуманитарных и социальных науках в последние 10–15 лет гораздо быстрее ухудшалась в Германии. В Швейцарии и Австрии тенденции были более противоречивы. Несмотря на то, что и здесь для многих стало гораздо труднее получить грант на исследования и вообще работу по специальности, академическим учреждениям в сфере социокультурной антропологии удалось сохранить (и в некоторых случаях даже повысить) свой статус. Для дисциплинарного сообщества в немецкоязычной зоне этот факт был немаловажным стимулом, но все же для небольших учреждений в Германии ситуация осталась сложной. Важная инициатива в деле разрешения ситуации была предпринята в 2002 г., когда в Галле был открыт Институт антропологических исследований им. Макса Планка – центр со специализацией на аспирантских и докторских исследованиях.

Внутренняя дифференциация дисциплинарного сообщества, наблюдаемая сегодня в немецкоязычной зоне, в некоторой степени связана со сложностями институционального положения, и в общих чертах ее можно охарактеризовать, если указать на три типа “занятости” антропологов в их профессиональной сфере. Один тип имеет отношение к тем исследователям, которые работают в крупнейших институциональных центрах Цюриха (университетские кафедры, музеи), Берлина (университетские кафедры, музеи, научно-исследовательские институты), Вены (университетская кафедра, музей, Академия наук) и Галле (Институт Макса Планка, университетская кафедра). Хотя мы говорим об этих учреждениях как о “крупнейших” институциональных центрах, следует напомнить, что в количественном отношении они представляют собой меньшинство. Другой тип, следовательно, имеет отношение к тому, что можно было бы назвать профессиональным большинством – а именно к тем исследователям, которые работают в некотором количестве средних по размеру и значительном количестве небольших по размеру университетских кафедр и музейных отделов. Третий тип относится к тем, кого в журналистике сегодня называют “фрилансерами”, – к антропологам, не имеющим постоянного места работы и живущим за счет краткосрочных контрактных проектов или преподавательского ассистирования на условиях почасовой оплаты. Представителей этой большой гетерогенной группы можно встретить среди участников конференций и конгрессов, среди авторов сборников и организаторов выставок, среди заштатных сотрудников

кафедр и институтов во всех частях немецкоязычной зоны (включая сюда те же самые Цюрих, Берлин и Вена). На самом деле успешное выполнение обширных исследовательских, организационных и преподавательских программ в крупных научных центрах указанных городов было бы невозможно без помощи антропологов-фрилансеров. Многие из них, за период с начала 1990-х гг., смогли добиться более интересных результатов в исследовательской деятельности, чем некоторые из штатных сотрудников престижных учреждений.

Разумеется, в каждом из трех типов профессиональной деятельности есть свои преимущества и свои недостатки. Положение антропологов-фрилансеров (хотя некоторые, как ни странно, не согласны с такой точкой зрения) представляется наиболее уязвимым, наиболее низкооплачиваемым и наиболее изнуряющим. Оно сходно с положением рабочих, попадающих в цикл самоэксплуатации, о котором говорил известный русский экономист А.В. Чаянов. Во всяком случае, я не знаком ни с одним антропологом, который бы добровольно ушел со штатной работы, предпочтя заниматься исследованиями в, так сказать, вольнонаемном режиме.

Постоянное психологическое давление, связанное с необходимостью работать в условиях риска, заставляет антропологов-фрилансеров с большим энтузиазмом браться за те немногочисленные предложения, которые попадают на их пути. Последние, как уже было отмечено, обычно состоят из преподавания (часто в непрофильных учреждениях) на условиях почасовой оплаты, работы над организацией выставок и этнографических фестивалей, консультаций в съемках этнографических фильмов и других проектах, а также разнообразных исследований по грантам. Большинство фондов, предоставляющих средства на такого рода деятельность, имеют ориентацию на прикладные исследования. В контексте немецкоязычной антропологии, однако, понятие “прикладное” не имеет таких негативных коннотаций, какие нередко окружают его в контексте антропологии в США. Наоборот, связь с прикладным аспектом часто демонстрирует умение антропологов-фрилансеров разрабатывать и предпринимать такие исследовательские проекты, которые являются социально значимыми. Кроме того, антропологи-фрилансеры порой более эффективно, чем антропологи, находящиеся на штатных должностях, доносят до широкой публики опыт межкультурной коммуникации и более отзывчиво реагируют на стремительно изменяющиеся общественные условия, в которых мы живем и работаем. Если принять все это во внимание, то становится не так удивительно, что многие представители данной группы добились значительных успехов в последние полтора десятилетия, несмотря на их непростое положение. К примеру, именно представителями данной группы был создан ряд замечательных аналитических работ, продемонстрировавших корпоративному миру значимость исследований в области “антропологии организаций”, так же как и работ, объективно показавших законодателям и разработчикам социальных программ условия и сложности жизни семей турецких мигрантов в Западной и Центральной Европе.

Таким образом, мне представляется, что в немецкоязычной зоне группа антропологов-фрилансеров добилась большего в деле установления контакта с обществом, чем, скажем, группа “большинства”, находящаяся на постоянных должностях в типичных небольших учреждениях. Лишь немногим из этих учреждений удалось выйти на уровень международных стандартов профессиональной организации исследовательской деятельности. Показательно, что как раз эти немногие учреждения смогли наладить более тесную связь с немецкоязычными средствами массовой информации с тем, чтобы информировать публику о результатах своей деятельности. В качестве примеров такой деятельности можно сослаться на исследования этнической истории обществ американского континента (Бонн, Франкфурт-на-Майне), исследования духовной и материальной культуры в Меланезии (Гейдельберг, Базель),

исследования проблем миграций (Гамбург, Франкфурт-на-Одере), исследования в области медицинской антропологии (Берн), а также гендерные исследования в Европе, Меланезии и Индонезии (Гёттинген, Фрейбург). Но эти примеры – отдельные показательные случаи в группе “большинства”. Большинство же в группе “большинства” не стремится к активному контакту с широкой публикой. Следует оговориться, что многие в этом большинстве честно работают и проводят хорошие исследования, но, с точки зрения связи с обществом, они олицетворяют достаточно слабую сторону социокультурной антропологии в немецкоязычной зоне.

Что касается четырех крупных институциональных центров (Берлин, Галле, Цюрих и Вена), то мне представляется, что, благодаря хорошей организации исследовательской деятельности в них и благодаря их расположению в социально-активной урбанистической среде, они способствуют более или менее тесному контакту исследователей с обществом. Конечно же, надо признать, что в некоторых отношениях эти центры находятся в привилегированном положении: в них хорошо налажены международные связи, они привлекают к себе высококвалифицированных работников и хорошо подготовленных студентов и аспирантов, они открывают более легкие пути к получению исследовательских грантов и более эффективно накапливают то, что Бурдые назвал “символическим”, или “знаковым”, капиталом. Однако надо также признать, что потенциал – это то, чем можно воспользоваться, а можно и не воспользоваться (примеры учреждений с громкими именами, в которых не происходит ничего интересного, не единичны). В этом смысле следует сказать, что в последнее десятилетие данные центры задействовали свой потенциал. Интервью с их представителями в центральных органах массовой информации – сегодня обычное явление (журналисты часто просят антропологов, как экспертов, прокомментировать то или иное общественное событие); соответственно, антропологам удается на более или менее регулярной основе информировать публику о направлениях деятельности этих центров и о предпринимаемых ими проектах. Знаменательно, что публика снова начинает проявлять некоторый интерес к антропологическим книгам. Обнадеживает и то, что некоторые из музейных выставок (после долгих десятилетий отсутствия активного интереса к этнографическим музеям) вновь обретают широкую популярность. Словом, сегодня данной группе исследователей все чаще удается сочетать роль научных экспертов с ролью своего рода общественной интеллигенции.

Таким образом, в определенном смысле можно говорить о том, что в последнее время к социокультурной антропологии в немецкоязычных странах вернулось некоторое общественное значение. Оно весьма скромно, и его нельзя сравнивать с тем общественным резонансом, который однажды смогла получить антропология в США благодаря стараниям Маргарет Мид, или с тем интеллектуальным воздействием, которое в свое время на общегуманитарную сферу во Франции оказало творчество Клода Леви-Стросса. Приблизиться к этим уникальным примерам прошлого невозможно. Однако невозможно это не только в немецкоязычной зоне, но и везде.

Если что-то можно с уверенностью утверждать, то это лишь то, что за период с 1945 г. положение социокультурной антропологии в немецкоязычной зоне никогда не было таким значимым и заслуживающим уважения, каким оно предстает сегодня. А это – хорошая отправная точка для совершенствования и продвижения вперед, несмотря на не совсем благоприятные финансовые и институциональные условия в текущий момент. Разумеется, чтобы продвигаться вперед, мы должны стараться содержать в порядке концептуальный и творческий инвентарь нашей дисциплины, постоянно подвергать его критическому переосмыслению, делиться им с другими дисциплинами и стараться информировать общество о результатах нашей работы.